

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ

XVIII

ВЕКА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ
XVIII ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель
В. А. ЗАПАДОВ

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101 «Русский язык и литература»*

ББК 83.3Р1
3-30

Рецензенты: кафедра русской литературы Горьковского пединститута (зав. кафедрой Г. В. Москвичева); кандидат филологических наук В. И. Федоров.

Западов В. А.

3-30 Русская литература последней четверти XVIII века: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» /Сост. В. А. Западов.— М.: Просвещение, 1985.— 432 с.

Хрестоматия поможет конкретизировать представления учащихся об особенностях историко-литературного процесса в России последней четверти XVIII века. В хрестоматию включены произведения писателей этого периода — Д. Фонвизина, Г. Державина, А. Радищева, И. Крылова, Н. Карамзина, М. Попова, Я. Княжнина, В. Левшина, М. Муравьева, Н. Львова, П. Плавильщикова и др.

Р 4309000000—737
103(03)—85 219—85

ББК 83. 3Р1
8Р1

Хрестоматия представляет собой учебное пособие для изучения курса русской литературы XVIII в. Отобранный материал соответствует четвертому, заключительному разделу ныне действующей программы, составленной В. А. Западным и В. И. Федоровым. Первые три раздела представлены в первой части подготовленной В. А. Западным хрестоматии «Русская литература XVIII века. 1700—1775» (М., Просвещение, 1979).

Крупнейшие явления литературы XVIII в. — комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в хрестоматию не включены из-за объема, так как программой предусмотрено текстуальное изучение этих трех произведений полностью. Поэтому вводить их в сокращенном виде нецелесообразно, да и нет необходимости: в последние десятилетия комедии Фонвизина и книга Радищева переиздаются в Советском Союзе практически ежегодно и в библиотеках вузов имеются в достаточном количестве экземпляров.

Часть отобранных произведений неизбежно совпадает с помещенными в хрестоматиях Г. А. Гуковского и А. В. Кокорева, однако здесь произведены следующие принципиальные изменения и дополнения.

Во-первых, состав некоторых разделов пересмотрен (а в ряде случаев и расширен). В первую очередь это относится к таким разделам, как творчество М. И. Попова, Д. И. Фонвизина, И. И. Хемницера, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова.

Во-вторых, в новую хрестоматию (как и в первую часть ее) по возможности широко введены материалы, связанные с эстетическими и литературно-теоретическими взглядами писателей конца XVIII в., — времени, когда сформировался русский предромантизм и реализм, закладывались основы новой эстетики. Эти материалы позволяют проследить как становление и эволюцию отношения к литературе, к художественному слову, так и борьбу двух культур в русской литературе конца столетия. Следует иметь в виду, что материалы эстетического и литературно-теоретического характера в тех случаях, когда взгляды писателя отчетливо выражены в его произведениях (М. Н. Муравьев, Н. А. Львов, И. А. Крылов и некоторые другие) либо когда у писателя нет принципиально важных работ этого типа (Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев и др.), опущены.

В-третьих, в связи с развитием историко-литературной науки в новую хрестоматию введены разделы, отсутствовавшие в изданиях Г. А. Гуковского и А. В. Кокорева: «М. Комаров», «В. А. Левшин», «М. Н. Муравьев», «Н. А. Львов» и др. Существенная роль этих литераторов в истории русской культуры была вскрыта, по

существо, только советской наукой, однако изучение их в вузе, предусмотренное действующей программой, затруднялось почти полным отсутствием и даже просто недоступностью самих произведений этих писателей.

За рамки последней четверти XVIII в. выходит раннее творчество Д. И. Фонвизина, которое полностью сосредоточено в данной части, чтобы не дробить его. До 1775 г. написаны также почти все произведения М. И. Попова, включенные в хрестоматию, — однако он введен в эту часть как автор первой комической оперы, последующее развитие которой целиком относится к концу столетия. При изучении творчества Я. Б. Княжнина следует иметь в виду, что в виде исключения была помещена в первой части хрестоматии его шуточная литературно-полемическая поэма «Бой стихотворцев», теснейшим образом связанная с общественно-литературной борьбой середины 1760-х годов.

Текст произведений печатается по научным изданиям последних десятилетий, а в случае их отсутствия — по первоисточникам. Фрагмент неопубликованной части «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина дан по рукописи. Проверены даты. Время создания произведения указывается после его текста, даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком. В угловых скобках значится год, не позднее которого произведение было создано. Двойные даты, разделенные запятой, указывают на наличие двух редакций (текст печатается при этом по последней переработке).

Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке, с учетом жанровых различий. Тексты приближены к современной орфографии в соответствии с правилами, принятыми в научно-популярных изданиях (например, «Библиотеке поэта»). Однако в некоторых случаях, когда это представлялось более или менее существенным, оставлены написания типа «малой» (вместо «малый»), «бешеной» (вместо «бешеный»), «произведении» (вместо «произведения») и пр.

Общая композиция данной хрестоматии в целом аналогична композиции первой ее части. Однако, основываясь на опыте работы в вузе с первой частью, составитель счел целесообразным отделить биографические заметки от примечаний и вынести последние в специальный раздел. Мелкие примечания, необходимые для верного понимания данного текста, помещены в сносках, причем означенные звездочкой принадлежат автору произведения, а цифрами — составителю. Античная мифология, как правило, не поясняется вообще. Устаревшие и малоупотребительные слова, которые могут быть объяснены вне контекста, вынесены в особый словарь, заключающий книгу.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ
«РОССИЙСКАЯ ЭРАТА, ИЛИ ВЫБОР
НАИЛУЧШИХ РОССИЙСКИХ ПЕСЕН...»

Стихотворство во всех народах толико ж почти древне есть, как и начало их происхождения. Общежитию предшествовало зарождение слова; зарождению сообщества последовало врожденное стремление ко красноречию, для изъяснения сердечных чувствований избраннейшими словами. Обыкновенный разговор, будучи слаб к изображению волнования страстей, побудил острейшие умы к исканию изящнейших слов и слога для описания душевных движений; и от сего-то, по необходимости естественной, долженствовало родиться стихотворство. В начале своем будучи слабо и безобразно, получало оно себе мало-помалу лучшее образование; и напоследок, с помощью врожденных дарований и воспаления страстей, приобрело себе разнообразные правила, соображенные со свойством предлежавших к описанию винословий.

Песни должны быть первым произведением усилий человеческого ума и сердца по причине краткости своей и малости правил, коих другие сочинения требуют в большем количестве противу оных. Сей род стихотворения долженствовал быть угоден вкусу всех народов в рассуждении своей остроты, живости и обыкновенности изображаемых им действий. Песни, заимствуя себе острое от эпиграммы, приемлют к себе в самое то время нечто и от оды, не будучи прямо ни тою, ни другою. Как у древних, так у средовечных и новейших народов песни любовные бывали в употреблении; но стихи, каковые певались древними при столе, отличаются от нынешних наших любовных песен своим существом; ибо оные были собственно малые лирические стихотворения, коим уподобляются несколько старинные наши песни, сочинявшиеся древними славянами в честь их богов, витязей и богатырей...

Время и обстоятельства переменяют народный вкус и обращают ко другому. По прогнании язычества и по возобновлении наук в Европе песни остались уделом почти одна токмо любви; и сие самое должно примечать и в рассуждении России, хотя науки и гораздо позднее к нам водворились. Вкус, содержание и расположение сих малых сочинений переменялись в сообразность обычаев и просвещения, что усмотреть можно нам ближе из старинных наших песен, содержащих в себе характеры разных веков...

... Любовная песня есть род малая поэмы, в которой описывается некоторое приключение или страсть любящего; но описание сие должно быть кратко, живо, просто, но благородно, ни лирические пышности, ни комические низости не имеющее; чтоб огонь его умножал свой пламень постепенно и оканчивался острым и реши-

тельным падением. Таковы суть свойства городския любовныя песни.

Буколические, или пастушеские, песни имеют себе отменным сей, что, при объявленных выше правилах, должны сохранять повсюду простоту естественную, изъясляющую откровенную невинность, тем паче забавную и приятную сердцу, поколику она кажется быть отдаленна от испорченных притворствами городских нравов; одним словом, слог сих песен, имеющих действующими в себе лицами пастухов, долженствует быть игрив с нежною приятностию, остр и благороден без напыщения и учености, жив и прост без низости, пламенен без притворства и сопровождаем прелестными полевыми картинами...

Хотя песни суть и малые, почти невидимые творении во пространстве громады всего стихотворного сложения, но близостию к нам и обыкновенностию повествуемых ими деяний корыстующих или корыстовавших в чем-либо наше сердце, способнейшее паче всего к воспалениям любовным; живостию разнообразных своих описаний, сопровождаемых всеми красотами стихотворства, и прелестями его сестры¹ учреждающие путь нашему гласу чрез тьмо-численные и бесконечные извития и преломления звонов, союжаемых согласием и производящих для уха нашего всегда новую и обавающую нас мелодию, и сим сочетанием витийства и музыки распаляющих наше воображение, оживотворяющих наше сердце радостию и удовольствием, изгоняя из него и из помышлений наших удручающие нас сопряженные с естеством нашим бедности и досады; с помощью всех сих выгодностей песни соделались в обществе человеков необходимыми. И для того-то в десятилетиях нынешнего полувека вкус к сим мелким сочинениям столько укоренился...

< 1790 >

ИЗ СБОРНИКА «ДОСУГИ, ИЛИ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ МИХАЙЛА ПОПОВА»

ВСТУПЛЕНИЕ

Врожденных склонностей мя следовать закону
Хотел предаться я навеки Аполлону
И чистых сестр олтарь вседневно угождать,
Дабы по сем возмог достойно подражать
Прекрасну пению россиян знаменитых,
И в отчестве своем и всюду именитых,
Которых красный слог, пленяя всех сердца,
Доставил почесть им нетленного венца.
Прельщенный мыслью сей, я все мои досуги,
Пренебрегая все и бедность и недуги,

¹ Т. е. музыки, мелодии.

Старался в письменах со тщаньем провождать
 И славой будущей ленивость побеждать.
 Сгорая ж завсегда парнасским сим пыланьем
 И к благу общему стремясь моим желаньем,
 Хотел достойному достойное воздать
 И знаменитых дел забвенье обуздать;
 Невинному подать невинно упражненье
 И к добродетели соделать побужденье;
 Хотел безумному безумство отразить,
 Порочному желал пороки омерзить,
 Бесчестных обратить на путь хвалы и славы;
 Иль обще всем подать невинные забавы:
 Хотел представить я страсти во стыде;
 Совет на них и смех; злословия ж нигде;
 Хотел читателя заставить их бояться,
 Там гневаться на них, а инде им смеяться;
 И рода разного явить ему скотов:
 Безумцев, забияк, мотов, скупых, плутов.
 Такие замыслы питая в воображенье,
 Впустился ревностно того в изображенье,
 Отверзя ко стихам свободный мыслям ток,
 Да удостоюся потом сих лестных строк:
 «Желание добра перо его водило
 И пользу меж забав, играя, погрузило!»
 Но что ж потом? О рок! писав, потев, вертясь,
 По тесной горнице творя бесплодны круги
 И на тупый мой ум с двенадцать лет сердясь,
 Насилу мог скропать лишь бедные «Досуги».
 Премногим жребий сей есть общ у нас писцам,
 Которы, подражать великим льстясь творцам,
 Во стихотворческий вдаются подвиг смело;
 Но, иль со тщанием в сие не вникнув дело,
 Иль нужным знаниям к тому не научась,
 Иль спесью авторской заранее воскичась,
 К другому ль ремеслу природою гонимы,
 А чаще бедностью и нуждами томимы,
 Наместо чудеси перед народный взор
 В посмешище себя являют и в позор.
 <1772>

ПЕСНИ

* * *

Под тению древесной,
 Меж роз, растущих вокруг,
 С пастушкою прелестной
 Сидел младый пастух;
 Не солнца укрываясь,

Он с ней туда зашел,
Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотел.

Меж тем где ни взялись
Две бабочки сцепясь,
Вкруг роз и их вились,
Друг за другом гонясь;
Потом одна взлетела
К пастушке на висок,
Ища подругу, села
Другая на кусток.

Пастух, на них взирая,
К их счастью ревновал
И, оным подражая,
Пастушку щекотал,
Всё ставя то в игрушки,
За шею и бока;
Как будто бы с пастушки
Сгонял он мотылька.

«Ах! станем подражати,—
Сказал он,— свет мой, им;
И резвость съединяти
С гулянием своим;
И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотылечком,
Ты — бабочкой моей».

Пастушка улыбалась,
Пастух ее лобзал;
Он млел, она смущалась,
В обоих жар пылал;
Потом, вскоча, помчались,
Как легки ветерки;
Сцеплялись, свивались
И стали мотыльки.

<1765>

* * *

Ты несчастный добрый молодец,
Бесталанная головушка!
Со малых ты дней в несчастьи взрос,
Со младых лет горе мыкать стал;
В колыбеле родной матери,
Пяти лет отстал мила отца;
Во слезах прошел твой красный век,
Во стенаньи молоды лета.

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Красна девица! отецка дочь!
Твои очи соколиные,
Твои брови соболиные,
Руса коса — красота твоя —
Приманили к тебе молодца,
Прилучили горемышнова.

В красоте твоей девической,
В твоей младости и разуме
Чаял он сыскать отца и мать,
Он увидеть род и племя все;
Он надеялся размыкати
На устах твоих тоску и грусть;
Во очах твоих надеялся
Потопить свое несчастье.

Ах! как ягоде калинушке
Не бывать вовек малинушкой,
Не живать так горемышному
Век во счастье и во радости.
Красна девица скончалася,
Полюбити отказалася
Горемыку добра молодца,
Сиротину бесталаннова.

Ты несчастье, ты безгодье зло!
До чего тебе домыкати
Сиротинушку-детинушку,
Бесталанна, горемышнова!
Уж ни в чем ему удачи нет,
Ни талану на белом свету;
Знать, талан его скрывается
В четырех досках в сырой земле.
<1772>

АНЮТА

Комическая опера в одном действии

Представлена в первый раз в Сарском селе придворными певчими августа
26 дня 1772 года.

(В сокращении)

Действующие лица:

А н ю т а, мнимая Миронова дочь.
В и к т о р, дворянин, любовник ее.
М и р о н, крестьянин.
Ф и л а т, батрак его.

Действие на поле, подле Викторовой деревни.

Явление 1

Феатр представляет поле и деревню, окруженную лесом.

Мирон (один, рубит дрова и головом следует за ударами).
Га!.. га!.. га!..

(Бросает топор и несколько отдыхает.)

Ух! как жо я устал,
А дров ощо не склал.
Охти, охти, хрестьяне!
Зачем вы не дворяне!
Вы сахар бы зобали
Так, словно бы как лёд,
И пили бы вы мёд
Да деньги огрёбали
Из рода в род и род.
Лёжали б на печи
Да ели колачи:
Про вас бы роботали,
А вы бы лишь мотали.

А нашой так бёды не подымает грудь!
Запеть жо мне теперь от грусти што-нибудь.

Боярская зобота:
Пить, есь, гулять и спать;
И вся их в том робота,
Штоб деньги обирать.
Мужик сушись, крушиса,
Потей и роботай,
А после хош взбесиса,
А денешки давай.

Вот наша жизнь какая,
Проклятая! благая!
Да быть жо ин уж так,
Как нам пометил дьяк.
Не в петлю жо веть лезти,
Што нечево нам ести;
А лучше погадать,
Как век докоротать.
Топерь один с жоною
Живу я сотоною:
Нет мочи ни орать,
Ни хлеба собирать.
Одна подмога Аша,

И та не наша:

Служанка к нам ее робёнком принёсла,
А где её взяла,

Про то нам не сказала;
И, броса сто рублей, сама от нас пропала.
Я деньги иссорил;
Робѣнка воспоил
И вскормил;
И дав ей имѣ Ашой,
Я назвал дочью нашой.
Она топерь и чаёт,
Што я родил ёну:
И матушкою величаёт
Мою жону.
А нам и на руку: Филатко наш батрак
Охотитца на ней женитца.
И сделам так.
А он веть не дурак,
Так мне скорѣ с ним лъзя розжитца;
А у хрестьянина, чем болѣе детей,
Тем болѣе людей:
А с ними жнива
И пива,
И сѣна, и овец, и дров, и лошадей.

Явление 2

Мирон, Филат

Филат (*выходя, поет*).

Белолица, круглолица,
Красная девица!
Иссушила, сокрушила,
Сердце надсадила...

Мирон. Филатко?

Филат. Асѣ, сте.

Мирон. Где, милой, побродил?

Филат. На сходе, сте, сидел.

Мирон. А для чево сход был?

Филат. А вон, сте, староста сбиратца ехатъ в город,
Так баял, штобы всем складчину положить:
Алтын хош по пятку; да мир стал говорить,
Што ныня-де у нас, Пафнутьич, знашь веть, голод,
Так будѣт-де с души копѣек и по шти¹,
Так станѣт и тово довольно псам на шти.

Мирон. Да на што жо ёму и екая складчина?

Филат. Слыш, у подьячова жона родила сына.

Мирон. Неужто и робя приносы уж берѣт!

Полно, не староста ль в корман себе дерѣт?

¹ Шести.

Филат. Нет, пра-сте, на поклон: подьячому на кстины,
А жонке на родины.

Мирон. Да што жо много так?

Филат. Ёму веть пять рублей;
А досталь на харчи да на других судей.
Ефрем боло судил и гроша не давати,
За што-де за ето нам деньги им совати,
Што множитца в Руси их злой кропивной род?
Какой, дескат, от них нам, добрым людям, плод?
Веть только-де они бумагу лиш морают
Да взятки и с живых и с мёртвых обирают.

Мирон. Нешто, веть, побери их прах!
Они охальники,
Еретики
И бусорманы,
Так словно, как цыганы,
Сжирают весь наш хлеб, вгоняя бедных в страх.
Хресьянское житье и плохо и убого;
А пуще всех моё:
Мне хлеба надо много,
А некому пахать; есь дочь, да одноё,
Не станёт веть на всё; она жо молода.
Худа,
Друг, ета клячка!

Филат. А я-то што, сте, дячка?
Кабы да милось лиш была твоя со мной,
Так я бы и на век работник был-сте твой.

Мирон. Пожалуй, я не прочь:
Топерь хош по рукам, да и ступай к Миколу,
Коли тебе любя моя лиш только дочь.
Я слова, друг, тебе не изменю уж боле.

Филат. Мы не так, как горожане,
Кои на дары богаты,
На посулы тароваты,
На приветы кудрёваты,
Да на дачу туповаты.
Инак мы живём хресьяне:
Хоша баём непригожо,
Да сулим друзьям што схожо;
На словах у нас што гожо,
И на деле будёт то жо.
Сам я тожо баю, дядя:
Горожанин, руки глядя,
На чужую мошну глядя,
Скалит зубы, речи ладя:
Ум в приветы опускаёт,
Вечну дружбу возвещаёт,
Вечну службу обещаёт,

Как кошолку вылещаёт;
А как мошну лишь достанёт,
Он толды и не вспомянёт,
В мире ль ты или в гробу.
Я ж в приветы не мешаюсь,
А роботать обещаюсь,
Сколько станёт сил в горбу.

Явление 3

Мирон, Филат, Анюта

Анюта (*выходя, поет*).

Кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы в полях цвели розы;
Кабы да на меня не печали,
Во слезах бы меня не встречали.

Мирон. Не плачь и не грусти, мой друг!

Не бося, завтра жо и горё минёт вдруг.
Што прибыли, што ты как маков цвет извянёшь?
Уж не тужи, не бось! смеятца скоро станёшь.

Анюта. А! батюшко, тебя и не видала я...

А его все, ей, ей, задумчивость моя!
Мне матушка тебя к себе велела звать.

Мирон. Зачем?

Анюта. Не ведаю.

Мирон. Так я ин его знаю. (*Филату*)

Я чаю,

О свадьбе, звать, твоей со мной потолковать.

Филат. Хе! Хорошо-сте.

Мирон. Ну, а вы покаместь здесь

С дровами убирайтёс,

А уж меня день етот весь

К себе не дожидаетёс.

Роботайтё, робята,

Секирой и сохой:

Здесь жизнь хош трудновата,

Да лучше городской;

Там всякому поклоны,

Кому ни попадис!

Толчки без обороны

Примай там, не ленис;

Там всем над нами воля,

И все с нас тянут сбор;

А здесь нам вся неволя

Боярской только двор.

(*Отходит.*)

Явление 4

А н ю т а, Ф и л а т

Ф и л а т (начав складывать дрова).

Што ж пригорюнилась ты так, мой друг, Анюша?

А н ю т а. Тебе что дела?

Ф и л а т. Мне? тебя жо жаль, горяша!

Сама ты знаш, што я тебя люблю уж год,

А можот быть твоим и мужем скоро буду.

А н ю т а. Ты! мужем! едакой страмец, дурак, урод?

Ф и л а т. А ты красавица, я чаю, да откуда?

А н ю т а. Пошол же прочь, скотина!

Ин я веть батюшку скажу.

Ф и л а т. Вот на! сама ты животиная!

На грозы я твои, голубка, не гляжу;

И батько твой

Со мной

Так борзо не хлопочот;

А выдать за меня тебя он верно хочот.

А н ю т а. Неволей никово не можно выдавать...

Добро! Я знаю, что перед попом сказать.

Ф и л а т (ласково). Да чем жо я тебе, родима, не кажуса;

Веть я и сам не худ, колды как наряжуса?

А н ю т а. Ох! ужесть как пригож!

Да только лишь всегда на лешова похож.

Уж и такой страмец пригожством стал хвалиться!

Я чаю, и свинья тобою не польстится.

Ф и л а т. Ну! так и быть. Добро! теперь я замолчу,

А завтра можот быть и сам я заворчу,

И как хочу,

Поворочу;

А можот и дубиной

По рёбрам прихвачу:

Толды не станешь звать меня уж ты скотиной!

А н ю т а. Ах, ты мерзавец! плут! ты и грозить уж стал?

Знать, ты еще толчков за это не хватал?

Какая харя! двух сочесть не разумеет,

А уж гордиться смеет

И хочет властвовать другими...

Ф и л а т.

Ну, добро!

Не выломлёно знать ишо у те рёбро?

Ей, деушка, не лайса!

А с нами знайса;

А то веть без хлопот

На завтра не пройдёт.

Не гордися, сте, спесиха,

Нет от спеси барыша;

Хош гляжу я из подтиха,
Да и я тяну гроша.

Хош пригожа ты собою,
Хош баска и щепетка,
Только быть тебе за мною,
Как топерь ты ни прытка.

Анюта. Я пригожством не горжусь,
А глупцам всегда смеюсь. (*Хохочет.*)
Такова моя извадка.
Тут не надобна догадка,
Что твоя дурная рожа
В женихи ко мне не гожа.

Филат (*отходя*). Добро! и сами мы такие знам загвозки;
Да отольютца веть мышачьи кошке слёзки.

Анюта (*отходящему*). Пошол, пошол, дурак!
Грози богатым так.

Ин, может быть, они дадут тебе копейку,
А мне так нечево, а разве по зашейку.

Явление 5

Анюта (*одна*). Вот за какова пня хотят меня отдать!
Какой мне от нево себе утехи ждатель?
На что польститься в нем! Ни роста, ни дородства,
Ни разума в нем нет, ни склада, ни пригожства.
Возможно ль на глазах кому ево терпеть?
Возможно ль, быв за ним, с тоски не умереть!
Ах, Виктор! если б я с тобою не спозналась,
Не так бы я терзалась:
Не проводила бы в слезах я темну ночь;
Крестьянска бывши дочь,
За мужа б вышла я подобнова мне рода
И только б думала, что вышла за урода,
И век свой с ним должна в печалях зреть себя
И плакать; а теперь, увидевши тебя,
Я стала не своя. Мне все перед тобою
Крестьяна кажутся невежливой толпою.
Ты статен, ты умен, богат и дворянин:
Возможет ли с тобой равняться селянин?
Ты мне и во твоём прелестнее всех роде:
Мне мнится, нет тебя милей во всем народе!
Возможно ль, полюбя тебя, влюбиться вновь?
И как мне позабыть к себе твою любовь!

Я жива скорей не буду,
Все мученья претерплю,
Нежели тебя забуду
И другова люблю.

Пусть и ты меня забудешь,
Не забуду друга я:
Хоть и ты моим не будешь,
Я остануся твоя.

(Виктор уговаривает Анюту обвенчаться с ним, однако она не хочет идти против воли Мирона, которого считает отцом. Между Виктором и Филатом, заставшим влюбленных во время объяснения, происходит перебранка. Виктор уходит за деньгами, с помощью которых он надеется получить согласие Мирона на брак.)

Явление 9

Анюта. *(одна)*. Какие будет мне печали понести,
Когда ему ево желанье не удастся!
Каким он грустям сам в то время не отдастся!
Ах, Виктор! ах, мой свет!
Ни в чем мне без тебя забавы больше нет;
С тобой мила и скука,
А без тебя и жизнь и все утехи — мука.
Одново тебя любя,
Все противно без тебя,
Ты один в глазах летаешь:
Мысли все тебя твердят,
Вздохи все к тебе летят,
Ты один мной обладаешь.

Явление 10

Анюта, Мирон и Филат

Мирон. А! а! ты здесь, охальница!
Бесстыдная страмница!
Вот ек ту ты куришь,
Злодейка, да дуришь,
И едак ту меня ты слушащ, злохоманна!
И едак почитащ, безумна! окоянна!
За то, што я тебя вспоил,
Вскормил,
Взлелеял
И лишню для тебя все годы четверть сеял,
Штобы при старости меня жо опозорить
(указывая на Филата)
И с добрыми людьми да с честными поссорить?
Смотри-тко, што топерь соседи те басят:
Веть, окоянна, все слыш, как в трубу гласят,
Што стала ты нам всем бесчесьём да зазором;
А мне веть одному позор-от весь да сором.